Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ.

ГОЛОСЪ ТРУДА

ИЗДАНІЕ СОЮЗА
АНАРХО-СИНДИКАЛИСТСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ.

Выходитъ еженедѣльно
по пятницамъ.

ЦѢНА № 20 КОП.

Редакція и Контора:
Петроградъ, Птг. ст., Полозова ул., д. 26, кв. 3.
Контора открыта отъ 3-хъ до 7 час. вечера
въ будніе дни.

Секретарь Редакціи
принимаетъ ежедневно, кромѣ воскресенья
и праздниковъ, отъ 6 до 7 веч.

Условія подписки:
На 6 мѣсяцевъ . . . . 6 руб.
На 3 мѣсяца . . . . 3 руб.
Деньги, заказы и т. д. просятъ присылать не на имя газеты или Союза, а на имя секретаря редакціи: А. Шапиро, Полозова ул., 26, кв. 3.

№ 4. Пятница 1-го (14-го) Сентября 1917 г.

КЪ РАБОЧИМЪ ВСѢХЪ СТРАНЪ.

№ 4.

ТОВАРИЩИ!
БРАТЬЯ!

Всѣ вы знаете о той великой борьбѣ, которая начата и неутомимо ведется нынѣ трудящимся классомъ Россіи противъ ужаснаго ига капитала; противъ безумной, позорной и ненужной бойни; за свободу, за равенство, за справедливость, за миръ на землѣ.

Всѣмъ вамъ должна быть понятна, близка, дорога эта борьба.

Какъ и русскіе рабочіе,—всѣ вы такъ же тяжко страдаете, стонете и гибнете, подъ гнетомъ тѣхъ же цѣпей: капитала, власти, насилія.

Поднявшись на великую борьбу, русскіе рабочіе расчитывали и на васъ: на вашу братскую помощь, на ваше содѣйствіе, на ваше присоединеніе къ намъ. Русскіе рабочіе надѣялись, что всѣ вы,—каждый въ своей странѣ,—скоро подыметесь противъ вашего, противъ общаго врага трудящихся—противъ буржуазіи и ея власти.

Не одинъ уже разъ, русская революція обращалась къ вамъ за поддержкой, за откликомъ, за рѣшительнымъ словомъ сочувствія.

Этого слова вы, до сихъ поръ, еще не произнесли, не могли произнести.

Между тѣмъ, трудно,—можетъ-быть невозможно,—одному только *русскому* пролетаріату одолѣть организованную мощь *международнаго* капитала. И если впредь русскій народъ, въ своей борьбѣ, останется все такимъ же одинокимъ, то революція,—*эта* революція, имѣющая, наконецъ-то, немало серьезныхъ шансовъ за полный успѣхъ,—окажется, быть-можетъ, проигранной, какъ остались проигранными для трудящихся всѣ прошлыя революціи.

Товарищи!

Близится рѣшительный часъ. Отъ вашего поведенія зависитъ теперь,—болѣе, чѣмъ когда-либо,—исходъ начатой борьбы.

Буржуазія всѣхъ странъ поняла, какой угрозой является для нея русская революція; поняла, какими ударами грозитъ ей дальнѣйшее развитіе этой революціи. Поняла—и рѣшила, во что бы то ни стало, смять, раздавить, затопить въ крови великую начатую борьбу.

Буржуазія всѣхъ странъ имѣла недавно свой «циммервальдъ»: ея представители тайно съѣхались на конференцію въ Швейцаріи и обсуждали вопросъ о необходимости скорѣйшаго прекращенія войны, какъ мѣры противъ наростающей повсюду соціальной революціи.

Буржуазія всѣхъ странъ куетъ нынѣ оружіе противъ насъ, противъ нашей революціи. Интернаціональная буржуазія хочетъ задушить насъ.

Отнынѣ—она окончательно, прочно и тѣсно связала дѣло войны съ дѣломъ контръ-революціи. И васъ, рабочіе Германіи, Франціи, рабочіе Англіи и другихъ странъ, васъ хочетъ она сдѣлать орудіемъ своего замысла.

Когда-нибудь, исторія повѣдаетъ намъ подробности того безумнаго заговора противъ нашей революціи, о которомъ вы только-что узнали, и слѣпой игрушкой котораго сдѣлались вы, нѣмецкіе солдаты.

Этотъ заговоръ не удался. Его жалкій крахъ лишній разъ показалъ міру, насколько сильна и сознательна наша революціонная армія. Его неудача повергла въ уныніе всемірную буржуазію. И эта же неудача должна вселить въ васъ, рабочіе всѣхъ странъ, новыя надежды. Она должна заставить радостно биться ваши сердца.

Но помните: этотъ заговоръ—не послѣдній. Генералъ Корниловъ найдетъ подражателей. Буржуазія найдетъ себѣ новыхъ лакеевъ.

Въ своей борьбѣ противъ Революціи, буржуазія была всегда и будетъ теперь безстыдной и безпощадной. Она не остановится ни передъ чѣмъ. Для нея—всѣ пути и средства хороши и позволены.

Неужели же и впредь, вы, рабочіе другихъ странъ, дадите буржуазіи превращать васъ въ орудіе подавленія великой революціи?

Рабочіе Германіи! Отъ васъ ждемъ мы, прежде всего, рѣшительныхъ дѣйствій. У васъ есть свои Корниловы, свои предатели, свои безпощадные враги. Они тоже обманываютъ васъ фразами о защитѣ «родины» отъ несуществующаго врага и первые предадутъ васъ, какъ только рѣчь зайдетъ, дѣйствительно, о защитѣ вашихъ благъ. Истинные враги ваши—внутри вашей страны. Истинные предатели ваши—командуютъ вами. Ужели же вы будете еще и еще подчиняться имъ?!. Знайте и помните, что нѣтъ у васъ внѣшнихъ враговъ, ибо рабочіе и солдаты другихъ странъ откажутся громить вашу страну, если вы возстанете. Весь міръ измученъ. Весь міръ усталъ отъ безсмысленнаго взаимоистребленія. Ваша революція, рука-объ-руку съ нашей, подастъ сигналъ къ революціи всего міра. Ваша революція будетъ концомъ войны. И если бы даже осмѣлилась буржуазія какой-либо страны двинуть свою покорную армію на вашу революцію,—мы, революціонные рабочіе и солдаты Россіи,—поможемъ вамъ спасти революцію. И мы спасемъ ее. Да вы и сами сумѣли бы защитить свою революцію отъ подобнаго вынужденнаго нападенія другихъ армій, ибо тогда вы вдохновенно защищали бы *вашу* свободу, *ваше* право, *ваше* благо, *ваше* счастье, а не враговъ и предателей вашихъ. Вы помните, конечно, какъ, въ 1789 г., измученная, но *революціонная* Франція справилась съ сильной физически европейской коалиціей...

Вы, рабочіе Англіи и Франціи, Италіи и Америки, Австріи и Болгаріи, рабочіе всѣхъ странъ!

Понимаете ли вы, какому ужасу служите, какому преступленію помогаете, поддерживая свою буржуазію и не рѣшаясь противопоставить ей вашу волю, ваше сознаніе, вашу силу, ваше дѣйствіе?

Мы хорошо знаемъ, что вамъ нелегка борьба. Но—одно изъ двухъ: или вы должны рѣшительно возстать и тогда—конецъ войнѣ; тогда—заря новой жизни, ибо всемірная революція не можетъ не побѣдить; ибо нѣмецкіе рабочіе и солдаты откажутся нынѣ подавлять революціонныя страны... Или—вы будете и впредь покорно повиноваться вашимъ истиннымъ врагамъ и предателямъ, и тогда—можетъ погибнуть Великая Революція.

Нѣтъ вамъ иного пути. И мы,—русскіе революціонные рабочіе, крестьяне и солдаты,—мы вправѣ, во имя этой Революціи, требовать отъ васъ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, болѣе прямой и твердой борьбы.

Мы говоримъ вамъ: оглянитесь кругомъ. Вдумайтесь въ положеніе. Весь міръ измученъ. Весь міръ истомленъ. Весь міръ озлобленъ. Весь міръ готовъ, при первой же искрѣ, вспыхнуть и встать, какъ одинъ человѣкъ, противъ безчеловѣчной, противъ варварской, преступной силы—противъ убійцы-Капитала.

Кто бы изъ васъ ни возсталъ первый,—съ нимъ будемъ мы. Съ нимъ скоро будутъ всѣ.

Вамъ нечего терять, кромѣ вашихъ цѣпей. *Сейчасъ*—вамъ некого и нечего защищать, кромѣ вашихъ же враговъ. *Сейчасъ*—вамъ не отъ кого обороняться, ибо трудящіеся,—рабочіе и солдаты другихъ странъ,—не враги ваши, а товарищи и братья, вынужденные до времени втайнѣ хранить великую мечту-революцію.

Но, *разъ начавъ соціальную революцію*, вы будете имѣть, что защищать. Вы будете защищать *ее*. Начавъ революцію, вы будете бороться противъ вашихъ подлинныхъ враговъ и обрѣтете несмѣтное число истинныхъ друзей. Начавъ революцію, вы пріобрѣтете весь міръ.

Будьте же смѣлы. Будьте мужественны. Будьте рѣшительны.

Начавъ революцію, вы присоединитесь къ намъ, вы поможете намъ претворить нашу борьбу въ борьбу соціальную.

Твердо знайте, твердо помните: вся великая революціонная Россія будетъ съ тѣми, кто *за всемірную революцію, противъ всемірнаго самодержавія капитала!*

Сходство и различіе.

Въ современной печати очень принято сравнивать нашу революцію съ отзвучавшими революціонными грозами далекаго прошлаго. Сравниваютъ ее и съ Великой Французской Революціей конца 18-го вѣка, и съ европейской бурей 48-го года, и, наконецъ, съ парижской коммуной конца прошлаго столѣтія. Сравниваютъ усердно, старательно, изо дня-въ день...

Желаніе, разумѣется, совершенно естественное и законное.

Соблазнъ великъ. Сравненіе напрашивается противъ воли, само собой. Наконецъ, далеко не безполезно, а порой даже весьма поучительно—сравнивать между собою однородныя историческія явленія, если умѣть дѣлать изъ такого сравненія правильные выводы.

Къ сожалѣнію, во всѣхъ тѣхъ сравненіяхъ, которые попадались мнѣ на глаза, устанавливаются исключительно черты *сходства*, отмѣчаются старательно точки *соприкосновенія* между нашей и прошлыми революціями, и обходятся, почему-то, молчаніемъ весьма крупныя и существенныя *различія*, рѣзко отличающія нашу революцію отъ всѣхъ предыдущихъ.

Такой пріемъ не только страненъ. Онъ глубоко-ошибоченъ. Онъ приводитъ къ совершенно невѣрнымъ, насильственно притянутымъ, чрезвычайно *конъюнктурнымъ* построеніямъ и выводамъ. А такія построенія и выводы приводятъ, въ свою очередь, къ затушевыванію и даже полному затемнѣнію глубокаго, своеобразнаго смысла развертывающихся нынѣ событій.

Ложность такого пріема сравненія,—пріема, идущаго исключительно *сходства* и забывающаго о *различіи*,—ясна уже апріорно (заранѣе). Ибо апріорно должно быть понятно, что, хотя-бы только *чисто-исторически* (если угодно, „хронологически"), наша революція не можетъ не отличаться—и притомъ значительно—отъ прежнихъ революцій, отъ которыхъ она отдѣлена болѣе или менѣе длительнымъ промежуткомъ времени.

Но, это еще далеко не все. Достаточно поглубже вдуматься въ обстановку нынѣшней революціи, въ пути ея развитія и въ намѣчаемые ею горизонты, чтобы воочію убѣдиться въ томъ, что *отличіе* ея отъ прошлыхъ революцій гораздо рѣзче, чѣмъ принято думать, гораздо глубже, важнѣе, интереснѣе и поучительнѣе, нежели случайное, чисто-внѣшнее, поверхностное *сходство*.

Въ прошломъ номерѣ „Голоса Труда",—въ статьѣ „Главный козырь революціи",—я уже отмѣтилъ вкратцѣ тѣ черты, тѣ „данныя" этой революціи, сумма которыхъ достаточно,—кажется мнѣ,—ярко отличаетъ ее отъ прежнихъ политическихъ потрясеній, какъ въ области внутренняго *содержанія*, такъ и въ отношеніи „*формы*", т. е. размаха, пріемовъ, путей, силъ и возможностей революціоннаго процесса.

Да будетъ мнѣ позволено сегодня подчеркнуть еще одну, менѣе глубокую и крупную, но тоже весьма характерную черту различія.

Каждая изъ прежнихъ революцій имѣла своихъ „вождей", опредѣленно и ярко вліявшихъ на ходъ событій и увлекавшихъ за собой мало самостоятельную, слабо сознательную массу. Это были люди громаднаго ума, исключительныхъ дарованій, желѣзной воли. Титаническія фигуры, смѣло взлагавшія на свои богатырскія плечи самыя трудныя, самыя сложныя задачи революціи.

Въ какую бы сторону ни увлекали эти люди революціонную колесницу,—они дѣлали свое историческое дѣло съ величайшей рѣшимостью, съ несокрушимой энергіей, безъ колебаній, шатаній, исканій и сомнѣній. Это были фигуры, отлитыя изъ стали. Это были люди, исключительные по силѣ своихъ дарованій.

Подъ ними—бушевала слѣпая стихія. Народныя массы не могли еще, въ прежнихъ революціяхъ, самостоятельно и сильно творить, ибо онѣ не видѣли еще

ясно ни опредѣленной цѣли, ни опредѣленныхъ путей революціи. Творчество массъ бывало, каждый разъ, колеблющимся, неопредѣленнымъ, шаткимъ. Массы скорѣе еще *искали*, чѣмъ уже *творили*. Массы искали ощупью, наугадъ, неувѣренно, слѣпо, именно стихійно. У силы-массы не было еще своей ясной силы-идеи. И, рано или поздно, массы неизбѣжно должны были, за неимѣніемъ собственной яркой цѣли и самостоятельнаго яснаго пути, итти за тѣмъ или другимъ „вождемъ", за той или иной „фигурой", за той или иной властью. И неизмѣнно, каждый разъ, бывали, въ конечномъ счетѣ, обмануты, разбиты и подведены подъ новое ярмо.

Присмотритесь, теперь, къ нашей революціи.

Съ одной стороны, на ея верхахъ,—тамъ, среди правящихъ, пріобщившихся къ власти и призванныхъ „вершить судьбы революціи" вдохновителей и руководителей ея—*нѣтъ „вождей"*. (Мнѣ уже не разъ приходилось отмѣчать это весьма характерное явленіе). „Во главѣ" революціи нѣтъ ни одной „титанической (или хотя бы только исключительно сильной) фигуры"; нѣтъ ни одного, поистинѣ крупнаго, исключительнаго человѣка, который *хотѣлъ бы* и—главное—*умѣлъ бы* увлекать массы и, заодно, самую революцію *за собой*, къ *своимъ* цѣлямъ, къ *своимъ* замысламъ. Въ этомъ отношеніи, наша революція отличается поразительнымъ безлюдьемъ... Ибо, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно сравнивать нашихъ доморощенныхъ, слабыхъ, робкихъ, воистину безкрылыхъ, по землѣ ползающихъ „дѣятелей" революціи съ гигантами прежнихъ революцій—съ Дантонами, Маратами и Робеспьерами.

У нашей революціи нѣтъ „вождей".

Нѣтъ ихъ, какъ мы знаемъ, и у контръ-революціи. Нѣтъ тамъ,—и не предвидится впереди,—ни Наполеоновъ, ни Галифэ, ни Тьеровъ... Есть только жалкіе, маленькіе, ничтожные Милюковы, Родзянки и Корниловы.

Бѣдные бутафорскіе, картонные „герои" и „идеологи" современной издыхающей буржуазіи! Какой жгучій стыдъ за нихъ пришлось бы нынѣ переживать великимъ мертвецамъ прошлаго, если бы мертвецы могли стыдиться...

Я не буду сейчасъ останавливаться подробно на причинахъ указаннаго явленія, ибо это отвлекло бы меня слишкомъ далеко въ сторону. Я хочу лишь отмѣтить самый фактъ и слегка намекнуть на нѣкоторые выводы.

Какимъ образомъ *учитывать* отсутствіе „вождей" у нашей революціи? Положителенъ или же отрицателенъ этотъ фактъ? Минусъ онъ, или плюсъ для дальнѣйшихъ судебъ движенія?

Многіе, несомнѣнно, должны считать его крупнымъ недостаткомъ революціи. Недаромъ же нѣкоторые, по куриному мыслящіе люди *со вздохомъ унынія* говорятъ,—по поводу только-что ликвидированной борьбы между правительствомъ и Корниловымъ, что, увы-де, вся наша революція превратилась въ К—К... И еще болѣе характерны постоянныя, упорныя воздыханія нашихъ „якобинцевъ",—лѣвыхъ с.-д., — по „революціонной власти", по революціоннымъ вождямъ...

Мнѣ же кажется, что на поставленный вопросъ можетъ быть данъ лишь одинъ серьезный отвѣтъ: не только *очень характерно*, но и *въ высшей степени хорошо*, что наша революція обходится безъ „вождей". Ибо, наряду съ цѣлымъ рядомъ иныхъ признаковъ, видимыхъ для того, кто близко и внимательно присматривается къ другой сторонѣ,—*къ массамъ*,—наряду со многими, дополняющими общую картину явленіями и фактами, отсутствіе „вождей", верховодовъ" и „руководителей" революціи открываетъ великіе и широкіе пути, бросаетъ безконечные горизонты для *самостоятельнаго творчества этихъ массъ*. А только такое творчество можетъ обезпечить успѣхъ *соціальной* революціи.

Лишенные „вождей", массы тѣмъ болѣе неумолимо, тѣмъ болѣе повелительно вынуждены будутъ *сами* вести впередъ революцію, *сами* браться, въ концѣ концовъ, за рѣшеніе всѣхъ, выдвигаемыхъ ею вопросовъ и, наконецъ, сами искать и творить,—при помощи создаваемыхъ ими, въ бурѣ и пламени революціи, организацій,—новыя формы жизни. И такъ-какъ у нынѣшней революціи есть *идея* и идейные выразители глубокихъ стремленій трудящихся массъ (выразители, которые необходимы и которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ „вождями"); такъ-какъ, съ другой стороны, у *контръ-революціи* тоже нѣтъ „вождей", которые могли бы уничтожить всю сѣть воздвигаемыхъ самой массой организацій и задушить творческія исканія массъ, то революція наша естественно направляется по тому пути самодѣятельности и творчества трудового народа, который *единственно обезпечиваетъ ей полную побѣду*.

Кто не понимаетъ этого, тотъ неспособенъ, вообще, понять всего великаго смысла, всей неизмѣримой глубины, всей исключительной сущности нашей революціи,—той самой сущности, которая отличаетъ эту революцію какъ отъ всѣхъ прежнихъ, *буржуазныхъ* революцій, „творившихся" вождями молодой, здоровой буржуазіи, такъ и отъ *переходной* революціи 71-го года,—революціи, въ которой полу-гнилая буржуазія одержала (уже не безъ труда) свою, смѣемъ надѣяться, послѣднюю побѣду.

Волинъ.

Организація рабочихъ.

(Продолженіе)

Лена.

Глухое недовольство и ропотъ не замедлили принять реальныя, осязательныя формы стачки.

Ружейные залпы по голодной, истерзанной нуждой и каторжнымъ трудомъ рабочей массѣ на золотыхъ пріискахъ Лены, въ Бодайбо,—залпы, произведенные по приказу ротмистра Трещенкова,—всколыхнули всю рабочую Россію.

Стачечное движеніе охватило страну. Надо сказать, что Лена явилась не причиной, а лишь поводомъ: *причина* коренилась въ оживленіи промышленности и въ матеріальной необезпеченности рабочихъ.

Движеніе было такъ грандіозно, такъ широко и вспыхнуло такъ внезапно, что «предержащія власти» и промышленники оторопѣли отъ сюрприза, растерялись.

Естественно, что и профессіональное движеніе, при такомъ положеніи вещей, должно было пойти въ гору. И оно пошло, но не сразу.

Стачечное движеніе приняло стихійный, массовый характеръ. За время упадка, въ рабочей массѣ накопилось такъ много горючаго матеріала, что достаточно было одной только искры, чтобы матеріалъ воспламенился и начался большой пожаръ, пожирающій все на своемъ пути.

Эта стихійная забастовочная волна, почти небывалой высоты, или шла мимо существовавшихъ союзовъ, или захлестывала ихъ, подчиняя своему неумолимому закону—закону движенія. На союзы смотрѣли, какъ на препятствіе, какъ на помѣху, тормозящую движеніе. Напрасно нѣкоторые изъ союзовъ звали къ централистской организаціи, къ планомѣрному веденію борьбы, съ разрѣшенія и благословенія центральнаго бюро: ихъ голосъ былъ «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», терялся среди разбушевавшейся стихіи, или же вызывалъ опредѣленный протестъ со стороны услышавшихъ его.

Несмотря на силу этого новаго натиска Труда на капиталъ и на правительство,—оторопѣвшіе, было, въ первую минуту капиталисты скоро пришли въ себя и, благодаря своей организованности, сумѣли и на этотъ разъ использовать полностью противъ рабочихъ свое старое, испытанное оружіе—Государство, съ его арміей, полицейскими, чиновниками, тюрьмами, ссылкой и проч. Въ результатѣ, стачечный подъемъ далъ мало удовлетворительные плоды.

Борьба мало по малу стала стихать. И только тогда, когда горячіе моменты борьбы прошли, когда въ атмосферѣ почувствовалось отсутствіе боевой нервности,—кличъ дѣятелей профессіональнаго строительства: «Въ союзы!» былъ услышанъ и подхваченъ рабочей массой.

Профессіональное строительство оживилось. На пепелищахъ союзовъ, сожженныхъ реакціей, возникали новые союзы, съ бодрыми, свѣжими, молодыми силами. Число членовъ росло, хотя и (отмѣтимъ это) очень медленно. Полицейскій произволъ и репрессивныя мѣры встрѣчались уже не рабьей покорностью, а энергичнымъ протестомъ. Расцвѣтъ и подъемъ профессіональнаго движенія былъ на-лицо.

Однако, въ дальнѣйшемъ—замѣчается явленіе, никогда не наблюдавшееся ранѣе: ростъ профессіональныхъ союзовъ начинаетъ отставать отъ роста рабочаго движенія; и эта отсталость становится вскорѣ такъ велика, что рѣзко бросается въ глаза.

Несмотря на весь свой расцвѣтъ и общій подъемъ движенія, союзы, тѣмъ не менѣе, переживали кризисъ: они явно заключали въ себѣ что-то, что создавало рѣзкое несоотвѣтствіе между ихъ дѣятельностью и общими задачами рабочаго движенія описываемаго періода.

Да, кризисъ былъ на-лицо. Но что-жъ это былъ за кризисъ? Какія причины его породили?

По мнѣнію нѣкоторыхъ, профессіональные союзы переживали въ то время *«кризисъ роста»*, а не упадка. Это, и только это, яко-бы, отличало переживаемый союзами кризисъ отъ недавняго кризиса періода лихолѣтья и реакціи.

Я лично усматриваю въ этомъ кризисѣ нѣчто другое.

Я полагаю, что причины даннаго кризиса лежали глубоко въ нѣдрахъ самихъ профессіональныхъ союзовъ. Объяснять этотъ кризисъ чисто-правовыми условіями и тяжелымъ положеніемъ рабочихъ въ высшей степени недостаточно.

Кризисъ объясняется тѣмъ, что общеэкономическія условія момента были иныя; тѣмъ, что движеніе было стихійно и передъ союзами стояли черезчуръ сложныя задачи.

Кризисъ объясняется тѣмъ, что профессіональные союзы, *будучи организаціей централистской*, не могли ввести это стихійное движеніе въ организаціонное русло и вдохнуть въ него силу, всегда таящуюся въ истинной (не централистской) организаціи.

Кризисъ объясняется тѣмъ, что передъ союзами встали новыя крупныя задачи, которыя оказались имъ не по силамъ, благодаря ихъ централизму и оторванности отъ рабочихъ массъ.

Наконецъ, кризисъ объясняется тѣмъ, что кореннымъ образомъ измѣнились *экономическія условія борьбы*, а измѣненіе этихъ условій требуетъ соотвѣтственнаго измѣненія и самыхъ формъ организацій; требуетъ, чтобы формы рабочей организаціи находились въ полномъ соотвѣтствіи съ новыми экономическими условіями и только тогда, когда это соотвѣтствіе на-лицо,—организація жизненна.

Профессіональные союзы, какъ организаціи борьбы, какъ боевыя организаціи, устарѣли, не отвѣчали болѣе измѣнившимся условіямъ.

Жизнь требовала новыхъ формъ организаціи. Но въ тотъ періодъ не было еще на-лицо всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя заставили бы породить новую форму рабочей организаціи.

Такія данныя могли быть созданы только революціей, которой предстояло породить фабрично-заводскіе комитеты.

Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать причину кризиса профессіональнаго движенія въ описываемый періодъ. И вотъ почему, я считаю этотъ періодъ «началомъ конца» профессіональныхъ союзовъ, *какъ организацій боевыхъ*.

Съ этого момента начинается новая исторія, новое направленіе въ рабочемъ движеніи Россіи.

«Режимъ» третьяго іюня далъ возможность капиталу выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ Трудомъ. И здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго: капиталъ былъ вооруженъ по послѣднему слову «науки и техники»; къ его услугамъ было Государство, съ его Совѣтомъ, Сенатомъ, Думой, арміей, полиціей, чиновниками, тюрьмами, ссылкою, законами, «усмотрѣніями» и пр.

А что имѣлось къ услугамъ рабочихъ? Ничего, кромѣ еще не вполнѣ осознанной силы.

Кромѣ всего этого, предприниматели были уже организованы въ свой боевой классовый союзъ; организованность давала имъ возможность примѣнять черные списки, локауты, организовывать штрейкбрехеровъ и проводить взаимное страхованіе отъ стачекъ.

Профессіональное движеніе снова пошло на убыль. Нагрянувшій кровавый ураганъ,—война, — окончательно закрѣпилъ побѣду капиталистовъ и придушилъ союзное движеніе. И нуженъ былъ другой ураганъ—Революція, который вдохнулъ во все духъ жизни, въ томъ числѣ и въ профессіональное движеніе.

Но эта же революція выдвинула новую *форму рабочей организаціи*, поставила передъ рабочими новыя широкія задачи. Революція дала новое направленіе рабочему движенію и, породивъ фабрично-заводской комитетъ, вписала въ это движеніе первую страницу новой исторіи.

Оканчивая здѣсь бѣглый обзоръ союзнаго движенія въ Россіи, я,—прежде чѣмъ приступить къ выявленію сущности профессіональныхъ союзовъ, задачъ и направленія ихъ дѣятельности въ прошломъ и теперь,—хочу указать на то, что капиталисты сумѣли организовать свое «государство въ государствѣ» и, путемъ непосредственнаго давленія на власть, добиться всего того, что имъ необходимо и выгодно. Надо, чтобы рабочіе не упускали этого изъ виду и создали бы въ свою очередь, въ этомъ классовомъ Государствѣ свое рабочее «государство»,—свою особую, рабочую организацію, которая развиваясь вширь и вглубь, стремилась бы къ тому, чтобы поглотить капиталъ и его прислужницу,—государственную систему,—въ цѣляхъ полнаго и всесторонняго раскрѣпощенія Труда.

Гр. Максимовъ.

Долгъ каждаго товарища подыскивать подписчиковъ для «Голоса Труда»

Война войнѣ!

Довольно крови. Достаточно уже жертвъ. Да здравствуетъ война войнѣ!.. Три года, три долгихъ года рѣками лилась кровь; три долгихъ года люди, какъ дикіе звѣри, уничтожали другъ друга. На-дняхъ минула третья годовщина войны, и смерть, насиліе, ложь, обманъ съ подобающей торжественностью и пышностью отпраздновали ее, поздравивъ себя съ четвертымъ годомъ счастливаго бытія любезнаго ихъ сердцу дѣтища—Войны.

Итакъ, человѣчество вступило въ четвертый годъ войны...

Неужели же люди настолько обезумѣли, что три года звѣрскаго самоуничтоженія все еще не въ состояніи прояснить ихъ сознаніе? Неужели и въ этотъ годъ, люди такъ же слѣпо и безсмысленно будутъ продолжать свое ужасное и отвратительное дѣло убійства тебѣ подобныхъ? Нѣтъ, нѣтъ! этого не можетъ быть! Четвертый годъ—послѣдній годъ, годъ смерти войны,—смерти не естественной, а насильственной: пролетаріатъ и бѣднѣйшее крестьянство убьютъ ее. Не можетъ кровавая вакханалія капитала продолжаться до безконечности! Прояснится же, наконецъ, кровью отравленное сознаніе людей... Въ концѣ концовъ, каждый спроситъ себя: во имя чего происходитъ дикое самоистребленіе?.. Во имя какихъ такихъ высокихъ идеаловъ и цѣлей люди должны убивать другъ-друга? Есть ли такія цѣли, такіе идеалы, ради которыхъ можно было бы убить десятокъ милліоновъ людей и десятка два милліоновъ искалѣчить?!..

Скоро каждый,—и это время не за горами,—задумается надъ нелѣпостью и безуміемъ происходящаго и подобно поэту спроситъ:

. . . Жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ? небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно одинъ
враждуетъ онъ... зачѣмъ?...

Спроситъ, и—не найдетъ отвѣта. Увидитъ всю пустоту, всю гнусность, ложь и обманъ войны; увидитъ и придетъ въ ужасъ. Во имя чего пролиты рѣки крови и слезъ? Во имя чего овдовѣли и осиротѣли милліоны? Во имя чего принесены въ жертву милліоны молодыхъ жизней? Во имя чего милліоны молодыхъ, здоровыхъ, жаждущихъ жизни людей превращены въ «живые трупы», въ ползающіе куски мяса? Во имя чего?!

Отвѣтъ послѣдуетъ одинъ. Во имя чуждыхъ трудовому люду интересовъ; во имя хищническихъ аппетитовъ капиталистовъ всѣхъ національностей; во славу, честь и процвѣтаніе міроваго капитала; во имя порабощенія, закабаленія и угнетенія и безъ того порабощеннаго труда.

Такъ вотъ для чего ведется эта ужасная война! Такъ вотъ во имя чего насъ зовутъ истреблять другъ друга!.. Товарищи рабочіе, товарищи крестьяне! Вы одурачены, вы обмануты! Товарищи бѣдняки, другъ другомъ избиваемые, образумьтесь!..

«Рабочій народъ, вставай!
«Свою ты силу сознай:
«Ни одна машина не загрохочетъ,
«Коль твоя рука захочетъ!

Сознай, наконецъ, трудовой народъ, свою мощь; сознай, что ты—сила, и что, поэтому, дѣло мира и войны—въ твоихъ, только въ твоихъ рукахъ!...

Образумься, очнись и сбрось съ своихъ богатырскихъ плечъ тяжелый и позорный налогъ крови.

Нѣмецкіе, русскіе, австрійскіе, французскіе, болгарскіе, англійскіе, турецкіе, итальянскіе, американскіе и пр. рабочіе и крестьяне! Вы уже знаете, ради чего вы истребляете и калѣчите другъ друга; вы,—бѣдняки, кромѣ своихъ мозолистыхъ рукъ ничего не имѣющіе,—знаете, что дѣлить вамъ между собой нечего.

А разъ такъ, то спрашивается, зачѣмъ продолжать дѣло взаимнаго истребленія? Незачѣмъ... Такъ долой войну, да здравствуетъ миръ трудящихся всего міра!

Сбросьте съ себя кровавое иго и направьте штыки, пушки и пулеметы на тѣхъ, кто васъ одурачивалъ, кто подсунулъ вамъ свои интересы и сказалъ, что это ваши интересы!

Оставимъ постыдное дѣло — убійство братьевъ, и уничтожимъ войну.

Въ переживаемое кровавое время, безумное время,—мы, русскіе, первые взялись за умъ: свершили революцію и тѣмъ самымъ нанесли могучій ударъ войнѣ и капиталу; а потому, мы и должны *продолжать* разъ начатое дѣло, должны *организовать ту силу*, которая нанесетъ послѣдній смертельный ударъ войнѣ. Мы должны *организовать войну войнѣ въ широкомъ мировомъ масштабѣ*.

Такъ за дѣло же, товарищи, за организацію трудовыхъ баталіоновъ для борьбы съ войной. Пусть каждый изъ васъ, товарищи рабочіе, считаетъ себя, начиная съ сегодняшняго дня, солдатомъ единой великой всемірной арміи труда, ополчившейся на сокрушеніе войны и рабства...

Но какъ организовать войну войнѣ,—вотъ вопросъ.

Прошли уже шесть мѣсяцевъ революціи, и шесть мѣсяцевъ мы кричимъ: Миръ, миръ, миръ!..

Но миръ не приходитъ. И не придетъ, если мы, трудящіеся, не возьмемъ дѣло мира и войны въ свои руки.

Каждому нынѣ ясно, что буржуазія, вызвавшая духъ войны, не въ силахъ его укротить; что она не въ силахъ ликвидировать войну. Это такъ ясно и такъ всѣмъ навязло въ зубахъ, что не требуетъ никакихъ доказательствъ. Но вотъ, на міровую сцену явилась такъ-называемая «революціонная демократія» и громко, и хвастливо заявила: я сумѣю покончить съ войною, только дайте мнѣ власть. Власть она получила, но получилъ ли трудовой народъ миръ? Нѣтъ. И нѣтъ надежды, что онъ его получитъ скоро. Почему? Да потому, что наши соціалисты идутъ по проторенному, старому, проложенному буржуазіей и ни къ чорту негодному пути.

Въ силу этого, все соціалистическое выброшено ими за бортъ, какъ ненужный, обременяющій грузъ. На ихъ кораблѣ остался только демократическій грузъ, только демократизмъ, слегка покрытый соціалистическимъ налетомъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Такъ должно было произойти и въ будущемъ будетъ происходить со всѣми *государственниками*, какъ бы они революціонны ни были. Ихъ поступки и дѣйствія,—дѣйствія и поступки буржуазныя по существу, — лишь искусно задрапированы въ соціалистическія, вѣрнѣе, демократическія, слегка соціализмомъ подкрашенныя, одежды. Поэтому, ихъ дѣйствія носятъ обманный, усыпляющій, гипнотизирующій характеръ.

Но, время сна, время спячки прошло. Пора пролетаріату хорошенько протереть глаза и увидѣть, что, подобно тому какъ раньше буржуазное правительство разсылало «отношенія» и «ноты», — такъ дѣлается и теперь; какъ раньше, послѣ такихъ «отношеній», «нотъ» и предварительныхъ торговъ, собирались вокругъ зеленаго стола дипломаты,—такъ и теперь, съ той только разницей, что нынѣ дипломатическія кресла буржуазіи займутъ дипломаты соціалъ-демократіи и соціалъ-реформистовъ («революціонеровъ», яко-бы).

Въ настоящее время, посланцы Сов. Р. С. и Кр. Д. разъѣзжаютъ по «союзнымъ» странамъ и ведутъ съ демократіями этихъ странъ предварительный торгъ, а для окончательной сдѣлки просятъ явиться на конференцію въ Стокгольмъ, гдѣ будутъ присутствовать представители отъ демократіи враждебныхъ «согласію» и нейтральныхъ странъ.

Итакъ, соберутся с.-д—скіе дипломаты на конференцію въ Стокгольмѣ (или еще гдѣ-нибудь, безразлично) и поведутъ, по примѣру буржуазіи, торгъ съ переторжками, а когда сторгуются, то опубликуютъ результаты: ну, положимъ, «миръ безъ аннексій и контрибуцій, съ правомъ самоопредѣленія народовъ». Составятъ они, по этому случаю, красивое воззваніе «ко всѣмъ рабочимъ міра», и тамъ, гдѣ это воззваніе можно будетъ прочесть, оно будетъ прочтено; а тамъ, гдѣ нельзя, ну, чтожъ?.. «на нѣтъ, суда нѣтъ», говоритъ русская пословица.

Итакъ, дѣло сдѣлано. Сѣмя мира брошено, а потому тревожиться больше нечего; можно почить отъ трудовъ праведныхъ и спокойно ждать благопріятныхъ результатовъ.

Но если, паче с.-д-скаго чаянія, всходы появятся очень плохіе; если будетъ ясно видно, что урожай предстоитъ скверный, что возлагавшіяся на него надежды не оправдываются,—тогда, о, тогда «они» умоютъ руки, какъ это сдѣлалъ Понтій Пилатъ, и затянутъ старую пѣсню: что-жъ, чему быть, того не миновать; мы въ этомъ не повинны; это только лишній разъ доказываетъ, что массы еще слѣпы, темны и малосознательны. Мы свой долгъ свято выполнили: мы позвали массы къ миру въ Стокгольмъ и, ради той же святой цѣли, заставили ихъ наступать и убивать себѣ подобныхъ... Въ своихъ собственныхъ и въ народныхъ глазахъ, наша совѣсть чиста и т. д., и т. п.

Возлагать, товарищи, надежду на то, что партія спасенія, что *партія* приведетъ къ миру,—глупо, нелѣпо. Если сами не добьетесь, то,—повѣрьте,—никто вамъ мира не дастъ: ни партія, ни Богъ, ни Учредительное Собраніе...

Надѣяться на то, что Стокгольмская конференція принесетъ какіе-либо существенные результаты въ дѣлѣ мира,—такъ же глупо и нелѣпо, какъ нелѣпа была надежда большевиковъ на то, что братаніе убьетъ войну.

Что же дѣлать? Какъ быть?

Какъ достигнуть мира?

— Хочешь мира, готовься къ войнѣ,— говоритъ буржуазная мудрость.

Послѣдуемъ же и мы, товарищи, этой мудрости: будемъ готовится къ войнѣ, къ войнѣ въ міровомъ масштабѣ, къ войнѣ противъ войны, противъ буржуазіи и капиталистовъ всѣхъ странъ, противъ ихъ оплота и защитника—государства.

Будемъ готовиться. А когда подготовимся, сплотимся, сорганизуемся, то объявимъ войну и перейдемъ въ наступленіе.

Итакъ, если хочешь мира,—мира прочнаго, постояннаго, а не временнаго; если хочешь, чтобы на землѣ царили миръ, братство и любовь; если ты дѣйствительно хочешь этого, пролетаріатъ, то сознай свою мощь и объяви войну войнѣ, не только настоящей, но и будущей; и какъ самое могучее оружіе противъ нея, ты долженъ выдвинуть *Всеобщую стачку*.

Всеобщая стачка,— она, и только она,— убьетъ войну; убьетъ буржуазію, вызывающую войны; убьетъ государство—насильника слабыхъ и защитника сильныхъ.

Но для проведенія такой стачки, надо какъ можно быстрѣе организоваться.

Такъ за работу же, за немедленную организацію!

Заводскіе комитеты должны сыграть въ этомъ дѣлѣ рѣшающую роль. Они должны въ каждомъ городѣ, въ каждомъ промышленномъ центрѣ федерироваться между собою, образуя дальнѣйшіе ячейки-союзы по производству: напримѣръ, всѣ заводскіе комитеты металлообрабатывающей промышленности вступаютъ между собою въ союзъ, причемъ ни одинъ изъ входящихъ въ союзъ комитетовъ не долженъ, конечно, терять своей независимости; каждый комитетъ долженъ оставаться вполнѣ самостоятельнымъ, автономнымъ.

Союзъ образованъ. Такимъ образомъ, создается мѣстная городская федерація Заводскихъ Комитетовъ (напримѣръ, Петроград-

Итоги партійности.

Духъ партійныхъ организацій, который такъ тягостно и отрицательно повліялъ и продолжаетъ вліять на развитіе самодѣятельности и сплоченности рабочихъ массъ во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, еще въ гораздо большей степени отравилъ и усыпилъ нашу русскую рабочую массу на другой день послѣ революціи.

Внезапное появленіе удручающаго количества всякихъ партій, фракцій и т. п. можетъ, конечно, получить извѣстнаго рода объясненіе и оправданіе въ исключительности и ненормальности условій развитія общественнаго мнѣнія въ Россіи. Слишкомъ долго долженъ былъ молчать русскій рабочій; слишкомъ крѣпко былъ онъ связанъ цѣпями, спеціально для него скованными старымъ режимомъ; слишкомъ рѣдко приходилось ему услышать,—въ условіяхъ подпольной работы,—о той сравнительно свободной политической жизни, которою западно-европейскіе рабочіе пользуются у себя дома; прибавимъ, что краткіе дни свободы 1905—1906 гг. обострили у каждаго рабочаго стремленіе къ такой жизни и у себя, здѣсь, на Руси... Такимъ образомъ, когда насталъ роковой часъ для стараго режима, насталъ и тотъ долгожданный моментъ, когда всякій могъ свободно, безъ ограниченій, примкнуть къ тому или другому направленію, къ тому или другому соціальному міровоззрѣнію.

Каковы же оказались результаты шестимѣсячнаго опыта лихорадочной партійной жизни русскаго пролетаріата? Итоги этого,—хотя краткаго, но весьма поучительнаго,—опыта мы и постараемся здѣсь вкратцѣ подвести.

Началась новая жизнь, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, провозглашеніемъ соціалистическихъ принциповъ устами возрожденнаго русскаго трудящагося класса. Это отрадное явленіе было, въ силу происходящихъ событій, неизбѣжнымъ. Послѣ того долгаго вынужденнаго молчанія, о которомъ мы уже упомянули, не было другого исхода, какъ бросаться въ ту плоскость соціальныхъ преобразованій, которая дальше всего отстоитъ отъ ужасовъ и угнетеній павшаго режима; и «соціализмъ» именно и являлся тѣмъ лозунгомъ, тѣмъ единственнымъ спасителемъ, который долженъ былъ разъ навсегда избавить трудящіяся массы отъ политическаго и экономическаго гнета.

И русскій рабочій сталъ соціалистомъ. Но, не успѣвъ самостоятельно и глубоко вникнуть въ значеніе, смыслъ и развитіе всего того міровоззрѣнія, которое ему преподносилось въ готовомъ видѣ, нашъ рабочій, естественно, пошелъ за тѣми учителями соціализма, которые, въ теченіе полувѣка, словомъ и перомъ пропагандировали и агитировали за «соединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ» въ одно могущественное цѣлое.

Увы, эти учителя далеко не въ состояніи были удержаться на высотѣ своего долга. Вмѣсто объединенія рабочихъ въ одну боеспособную организацію, которая могла бы взять въ свои руки устройство и политической, и экономической, и общесоціальной жизни страны, эти поистинѣ «дурные пастыри» построили цѣлый рядъ собственныхъ «лавочекъ», съ разношерстнымъ выборомъ разноцвѣтныхъ кричащихъ матерій, но съ одной и той же вывѣской: «пожалуйте къ намъ; здѣсь вы найдете спасеніе отъ всѣхъ человѣческихъ бѣдъ».

И народъ сталъ ходить и записываться въ ту или иную лавочку. Каждый рабочій—членъ той или другой «партіи» или «фракціи»—гордился своимъ новымъ блестящимъ ярлыкомъ и начиналъ косо смотрѣть на своего товарища по заводу или по мастерской, если этотъ товарищъ предпочелъ другую душеспасительную лавочку. Такое подраздѣленіе соціализма на «лавочки» подорвало тотъ духъ народнаго творчества, который такъ блестяще развернулся въ первую пору послѣ свержения самодержавія.

Къ сожалѣнію, широкія русскія массы не знали о ходѣ развитія соціалистическихъ идей за-границей; или, если даже знали, то были въ этомъ отношеніи освѣдомлены крайне отрывочно, односторонне и, зачастую, просто невѣрно. Между тѣмъ, развитіе западно-европейскаго соціализма за послѣднее десятилѣтіе показало всѣмъ, желавшимъ глубже присмотрѣться къ дѣлу, гдѣ именно кроется «корень зла»: корень зла заключается въ томъ, что соціалисты всѣхъ направленій кладутъ въ основу своей дѣятельности принципъ *государственности*,—тотъ самый принципъ, который лежитъ въ основѣ дѣятельности всякой другой партіи, будь это партія монархическая, буржуазная или же «демократическая». Принципомъ *власти* руководствовались и руководствуются всѣ партіи, начиная съ представителей стараго режима, вплоть до крайнихъ лѣвыхъ (большевиковъ), проходя, по пути, черезъ всѣ промежуточныя «лавочки» разныхъ демократическихъ и соціалистическихъ партій.

Но если,—какъ это вытекаетъ изъ всего хода вещей,—столѣтіями угнетавшійся русскій народъ нуждался въ строѣ діаметрально противоположномъ старому, дабы имѣть возможность перестроить всю свою жизнь на совершенно новыхъ началахъ,—его первой задачей должно было бы быть уничтоженіе того основного принципа, который господствовалъ въ прошломъ,—принципа государственности, принципа власти. Удерживая этотъ фундаментъ, гнилость котораго доказана нынѣ не только старымъ режимомъ въ Россіи, но и цѣлымъ рядомъ явленій въ Европѣ, рабочій классъ не будетъ въ состояніи построить себѣ то зданіе, въ которомъ онъ могъ бы, наконецъ, почувствовать себя свободнымъ отъ всякаго, какъ политическаго, такъ и экономическаго гнета. Но, какъ извѣстно, этотъ же устарѣлый, гнилой фундаментъ является, до сихъ поръ, основой всѣхъ политическихъ партій, безъ исключенія. «Захватъ власти»—лозунгъ всѣхъ этихъ партій. И въ качествѣ перваго воспитательнаго пріема въ этомъ направленіи, во всякой партіи, въ каждой фракціи вводится, подъ страхомъ изгнанія, подчиненіе каждаго члена Центральному Комитету, уваженіе къ партійной дисциплинѣ и признаніе цѣликомъ той или иной программы. Изъ членовъ вырабатываются, далѣе, избирательные автоматы, которые только и знаютъ, что голосовать за списокъ номеръ такой-то, опускать бюллетень въ урну и воображать, что этимъ «актомъ» спасаются родина, страна, соціализмъ, революція...

Эти «партійные» люди—эти вчерашніе борцы—теряютъ, такимъ образомъ, всякій духъ иниціативы, возлагаютъ всѣ надежды на ими избранныхъ представителей, пріучаются не заниматься больше своими собственными интересами. Въ результатѣ, заглушаются въ этихъ людяхъ всякіе революціонные порывы, и... власть переходитъ къ той или иной партіи, которая, отъ имени народа, отъ имени избирателей, правитъ страной и продолжаетъ дѣло ея предшественниковъ, творя свою волю.

Пора понять, что не въ «тайномъ, равномъ, прямомъ и т. д.» голосованіи народъ найдетъ исходъ изъ создавшагося положенія вещей; не въ *передачѣ* власти той или иной группѣ людей кроется разрѣшеніе соціальнаго вопроса, а въ уничтоженіи всякой власти, которая только тормозитъ и душитъ революціонное творчество.

Пора понять, что никогда еще ни одинъ народъ не возсталъ и не освободился посредствомъ избирательной урны или по приказамъ партій и распоряженіямъ власти, но что только организованная творческая сила самихъ трудящихся массъ въ состояніи разрѣшить задачу освобожденія.

И пора понять, что только такимъ образомъ слѣдуетъ рабочимъ вести дѣло этого освобожденія. Только собственной организованности,—организованности внѣпартійной,—должны рабочіе отдать свои силы и энергію. Они должны организованно бороться противъ всѣхъ проявленій власти, ибо гдѣ власть, тамъ неравенство; а гдѣ неравенство, тамъ не можетъ быть и рѣчи ни о политическомъ, ни объ экономическомъ освобожденіи.

Въ дни революціи, русская жизнь выдвинула цѣлый рядъ новыхъ формъ такой организованности: Совѣты рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ, контрольныя комиссіи, заводскіе комитеты и т. п. Долгъ рабочаго класса былъ укрѣплять ихъ, расширять ихъ самодѣятельность, создать цѣлую связную сѣть такихъ организацій вдоль и поперекъ всей страны: вмѣсто этого, рабочіе размѣстились по «лавочкамъ», по партіямъ, начали переливать изъ пустого въ порожнее, стали усердно принимать участіе въ партійныхъ интригахъ и спорахъ... а пока—дѣло революціи, дѣло *соціальной революціи* страдало; всѣ о ней говорили, *никто ею не занимался*. Совѣты переходили, понемногу, въ руки политиканствующихъ элементовъ; все начинало быть похоже на старое...

Пора одуматься и бросить партійную игру. Вокругъ одного великаго дѣла—дѣла освобожденія труда отъ ига капитала и власти—должны объединиться всѣ рабочіе. Въ профессіональныхъ союзахъ ли, въ заводскихъ ли комитетахъ,—вездѣ, гдѣ идетъ истинная работа *организаціи рабочаго класса* на почвѣ повседневной и непосредственной борьбы,—тамъ мѣсто всѣмъ тѣмъ, которые хотятъ свергнуть невыносимыя, ужасныя условія современной жизни. Довольно прислушиваться къ усыпителямъ-политиканамъ и «лавочникамъ». Пора рѣшить, что если освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, то оно можетъ совершиться только посредствомъ *рабочихъ, безпартійныхъ* и тѣсно между собою объединенныхъ организацій.

А. Шапиро.

I.

ЗМѢЙ, ЖАЛЯЩІЙ СВОЙ ХВОСТЪ.

Въ дни революціи народъ сорвалъ гербы,
Орлы и царскіе короны,—
Такъ факелъ, поднятый десницею толпы,
Сжигаетъ грозные законы.

И на домахъ, гдѣ былъ трехцвѣтный флагъ,
Повѣшены кровавыя знамена—
Все дальше, дальше направляетъ шагъ
Народъ отъ свергеннаго трона.

На каланчѣ пожарной, на тюрьмѣ,
На сѣромъ банкѣ, на фабричныхъ зданьяхъ
Алѣетъ днемъ и шелеститъ во тьмѣ
Стягъ, освященный въ длительныхъ страданьяхъ.

... То льютъ дожди, то солнце землю жжетъ—
Проходятъ дни, и мѣсяцы и годы...
Бьетъ молотомъ довѣрчивый народъ,
И увядаетъ алый цвѣтъ свободы.

На зданіяхъ линяетъ красный флагъ,
На грязь осеннюю становится похожимъ:
Все ближе, ближе направляетъ шагъ
Народъ къ помазанникамъ божьимъ.

И вотъ—опять повѣшены гербы
И вновь сіяетъ мѣдная корона...
Зовутъ народъ іуды и ослы
Опять подъ сѣнь державнаго закона.

II.

ВРАГИ НАРОДА.

Желѣзными гвоздями прибитъ былъ нашъ языкъ:
Покорный рабъ не долженъ былъ слышать вольный крикъ.

Черезъ рѣшетку солнце не озаряло насъ,
Но знали мы навѣрно—свѣтъ солнца не погасъ.

И каждый день звенѣли тюремщика ключи—
На пытку въ подземелье сходились палачи.

Леталъ орелъ двуглавый надъ жертвою своей,
Рвалъ сердце Прометея, но живъ былъ Прометей.

И вотъ—свершилось чудо въ непостижимый часъ:
Лишь каплей переполнясь, вся чаша пролилась.

Вихрь ярости народной потрясъ тюремный сводъ,
Со знаменемъ свободы въ тюрьму вошелъ народъ.

Мучительные гвозди, плѣнявшіе языкъ,
Онъ вырвалъ:—Говори же!.. Иль ты—молчать привыкъ?

— Тебя, чтобъ слышать правду, народъ освободилъ;
Но что ему ты скажешь, ты—выходецъ могилъ?

«Не надо вамъ, не надо вождей и королей!
Свободными пребудьте, какъ вѣтеръ средь полей.

«Не вѣрьте, если скажутъ, что палъ сраженный врагъ,
Что на чертогѣ царскомъ свободы алый стягъ.

«Цѣлъ вашъ поработитель—жестокій Капиталъ;
Онъ цѣпи золотыя въ глуби вѣковъ ковалъ.

«Живетъ палачъ надменный—увѣнчанный герой,
Воитель—Государство въ своей бронѣ стальной.

«Онъ точитъ мечъ, смѣется, смертельный слыша вздохъ,
Онъ ждетъ кровавой жертвы, ликующій Молохъ.

«Но гнѣвъ народный страшенъ: съ коня онъ долженъ пасть,
Возставшій рабъ растопчетъ поверженную Власть.

«Не надо вамъ, не надо вождей и королей—
Ни ржавыхъ, ни блестящихъ не надо вамъ цѣпей!»

... Вотъ такъ скажи народу, ты, выходецъ могилъ:
Чтобъ истину услышать, онъ цѣпь твою разбилъ.

Б. Верхоустинскій.

ская Федерація Заводскихъ Комитетовъ Металлистовъ). Всѣ такіе союзы по губерніи должны, въ свою очередь, вступить въ союзъ, образуя Губернскую Федерацію Союзовъ Заводскихъ Комитетовъ. Губернскія федераціи, соединяясь, образуютъ Областную федерацію, а эти послѣднія, федерируясь, образовываютъ, наконецъ, Россійскую федерацію Заводскихъ Комитетовъ металлообрабатывающей промышленности. Такъ же должны организоваться рабочіе, занятые въ другихъ производствахъ. Когда всѣ рабочіе каждаго производства организуются такимъ образомъ, тогда они должны начать объединеніе всѣхъ рабочихъ всѣхъ производствъ въ одно цѣлое, по изложенной же схемѣ, т. е. всѣ мѣстныя или городскія федераціи Заводскихъ Комитетовъ (всѣхъ, имѣющихся тамъ видовъ промышленности) вступаютъ между собою въ союзъ, федерируются, образовывая просто федерацію Союзовъ Заводскихъ Комитетовъ, даннаго города; эти объединяются въ губернскія, губернскія въ областныя, а областныя во Всероссійскій Союзъ Союзовъ Заводскихъ Комитетовъ.

Такимъ образомъ, рабочіе могутъ и должны быстро объединиться въ одно цѣлое, причемъ, каждая рабочая организація, вошедшая въ это цѣлое, не теряетъ своей независимости: она *автономна*.

Петроградскіе рабочіе должны въ этомъ дѣлѣ взять починъ на себя. И первой ихъ задачей должна быть реорганизація Центральнаго Петроградскаго Бюро Заводскихъ Комитетовъ, такъ называемаго «Заводского Центра», по вышеуказанной схемѣ, причемъ дѣлать этотъ «центръ» слѣдуетъ Петроградской Федераціей Союзовъ Заводскихъ Комитетовъ. Вторымъ дѣломъ *должно быть* дѣло объединенія рабочихъ», по указанной схемѣ, въ губерніи, въ области и, далѣе, во всей Россіи. И, наконецъ, третьимъ дѣломъ является—заставить свои организаціи созвать *Всероссійскій рабочій съѣздъ*, на которомъ, въ первую голову, долженъ быть поставленъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, объ объявленіи войны войнѣ, о *Всеобщей, Всеевропейской, міровой стачкѣ противъ войны и разлагающагося общественнаго уклада*.

А такъ какъ всеобщей стачкой только въ одной странѣ убить войну безусловно нельзя, то Всероссійскій рабочій съѣздъ долженъ будетъ взять на себя почетную обязаность организаціи *рабочаго съѣзда, рабочей конференціи всего Міра*. Здѣсь, на этой конференціи мы, товарищи, объявимъ войну войнѣ, капиталу и государству, оружіемъ же противъ нихъ—*Всеобщую стачку*.

И такъ, товарищи, дѣло войны и мира, дѣло нашего благополучія и счастья мы беремъ, съ сегодняшняго дня, въ свои крѣпкія, мозолистыя и надежныя руки. За дѣло же!

За самоорганизацію! За Всероссійскій чисто-рабочій съѣздъ!

За такой же всемірный съѣздъ!

За всеобщую стачку противъ войны, буржуазіи и государства!

Помните, только Всеобщая стачка можетъ убить войну и принести полное освобожденіе отъ рабства.

Григорій Лапоть.

Прим. Ред. Мысль о возможности прекращенія войны (и одновременнаго перехода къ всемірной соціальной революціи) путемъ быстрой и планомѣрной организаціи рабочихъ массъ въ Россіи и дальнѣйшаго созыва—сперва Всероссійскаго, а затѣмъ, по его иниціативѣ, *большого международнаго чисто-рабочаго съѣзда* съ порядкомъ дня—«Возможность международной всеобщей стачки для немедленнаго прекращенія войны»,—мысль эта высказывается не разъ, со времени русской революціи, товарищами-рабочими. Еще будучи въ Америкѣ, мы получили отъ одного изъ читателей тамошняго «Голоса Труда»,—рабочаго, тов. С. Арданова,—небольшую замѣтку, въ которой, между прочимъ, говорится:

«Важнѣе всего теперь поставить на очередь вопросъ о необходимости созыва *рабочаго съѣзда* представителей отъ рабочихъ организацій всѣхъ враждующихъ странъ. Тогда можно будетъ задушить кроваваго кайзера и добиться мира,—не перемирія, а настоящаго мира, чтобы навсегда перестала литься человѣческая кровь». («Гол. Тр.» № 182).

Можно, конечно, быть разнаго мнѣнія о практичности, выполнимости и цѣлесообразности такой мѣры въ настоящее время. Но мы думаемъ, что въ этомъ проектѣ заложена, во всякомъ случаѣ, значительная, интересная и серьезная мысль, чтобы *сами рабочіе*,—путемъ *своего, рабочаго съѣзда* представителей отъ *рабочихъ организацій* всѣхъ странъ,—приступили къ дѣлу рѣшительной ликвидаціи войны. Эта мысль, несомнѣнно, *болѣе серьезна*, и значительна, нежели столь нашумѣвшая и оказавшаяся столь немощной идея конференціи *партійныхъ вожаковъ* (въ Стокгольмѣ). Мы даемъ, поэтому, мѣсто статьѣ тов. Григорія Лаптя—въ томъ предположеніи, что статья эта дастъ поводъ къ дальнѣйшему обсужденію затронутаго въ ней вопроса.

О нашей тактикѣ.

Передо мной письмо товарища. Въ заголовкѣ стоитъ: «Екатеринославская федерація анархистовъ-коммунистовъ». Товарищъ проситъ высылать газету. Какъ-будто добрый знакъ. Провинція работаетъ и организуется. Вспоминаются другія организаціи, созданныя анархистами. Федераціи Москвы, Петрограда, Харькова и др. городовъ. Приходятъ на память многочисленные съѣзды анархистовъ въ Харьковѣ и Сибири. Вырисовывается картина широкой планомѣрной работы...

И однако—не радуюсь я этимъ, какъ-будто несомнѣннымъ, успѣхамъ анархическаго движенія.

Сложная обстановка настоящаго момента и особенности переживаемаго періода побуждаютъ насъ подходить къ каждому тактическому рѣшенію, къ каждому дѣйствію и къ каждой организаціонной формѣ съ однимъ вопросомъ:—«отвѣчаютъ ли они требованіямъ момента, соотвѣтствуютъ ли они широкимъ запросамъ дня?»

Нельзя ни на минуту забывать, что мы переживаемъ время глубоко отличное отъ всего, что переживала Россія раньше. Возможности и горизонты раздвинулись до необъятной широты. Смутные контуры смѣлыхъ мечтаній вырисовываются совсѣмъ близко, и прежнія мечты чуть-ли не становятся практической задачей дня.

Казалось бы, новая эпоха, выдвинувъ новыя задачи и раздвинувъ возможности, должна была побудить товарищей подойти къ ней съ иной мѣркой и отыскать такія формы своей дѣятельности, которыя способны вмѣстить въ себѣ всю сложность и обширность новыхъ задачъ.

Между тѣмъ, всѣ свѣдѣнія о дѣятельности анархистовъ въ Россіи въ нынѣшній революціонный періодъ подтверждаютъ, что наши товарищи старательно возстанавливаютъ знакомые имъ пріемы работы и формы организаціи 1905-го и послѣдующихъ годовъ и не идутъ дальше.

Можно подумать, что съ тѣхъ поръ ничто не измѣнилось и главное содержаніе анархической работы осталось то же. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ, и способна-ли, вообще, чисто-пропагандистская и даже боевая дѣятельность, къ каковой по необходимости сведется групповая работа, двинуть революцію по должному пути?

Трагическая судьба русскаго анархическаго движенія въ первой русской революціи, когда анархисты дали больше всего жертвъ и оставили меньше всего слѣдовъ послѣ себя въ рабочемъ движеніи, должна быть памятна нашимъ товарищамъ. Пытливая мысль привела уцѣлѣвшихъ участниковъ движенія къ сознанію необходимости осуществить переоцѣнку тактическихъ методовъ и организаціонныхъ пріемовъ дѣятельности анархистовъ.

На развалинахъ обанкротившейся тактики группового боевизма окрѣпла иная тактика, которая связывала судьбы идейнаго движенія съ движеніемъ широкихъ массъ.

Можно вполнѣ опредѣленно сказать, что,—за исключеніемъ ничтожной части анархистовъ, явно оторвавшихся отъ жизни и ничему отъ нея не научившихся,—всѣ дѣятели движенія стоятъ теоретически на позиціи анархо-синдикализма.

И тѣмъ болѣе странно видѣть, какъ теоретическіе сторонники анархо-синдикализма, въ своей практической работѣ, цѣликомъ увязаютъ въ тактикѣ отжившаго прошлаго, ухлопывая свою энергію исключительно на созданіе группъ, кружковъ, своихъ «партійныхъ» центровъ и на пропаганду.

Гдѣ здѣсь логика и пониманіе задачъ настоящаго?

Товарищамъ, увлекшимся первыми успѣхами своей дѣятельности, слѣдуетъ оглядѣться—куда они идутъ.

Опытъ всего революціоннаго движенія на западѣ и въ Россіи доказываетъ, что тактика, усвоенная нашими товарищами, ведетъ къ разрыву съ массой. Въ условіяхъ русской революціи, такая тактика чревата опасными для движенія послѣдствіями.

Съ точки зрѣнія анархо-синдикализма, азбучнымъ положеніемъ является утвержденіе, что намъ слѣдуетъ искать приложенія нашей энергіи внутри широкой массы, въ организаціяхъ этой массы, а не внѣ ея—въ своихъ группахъ и федераціяхъ.

Обстановка русской революціи дѣлаетъ экзаменъ всѣмъ революціоннымъ теченіямъ. И если анархизмъ не встанетъ въ уровень съ задачами дня и будетъ безпомощно повторять осужденные исторіей тактическіе зады,—онъ обреченъ на вырожденіе, на прозябаніе, и создастъ не мощное революціонное движеніе, а жалкую секту.

Задача анархистовъ—выправить свою тактику, въ корнѣ измѣнивъ ее. Идейные центры—только подсобные органы и имъ должно быть удѣлено наименьшее количество силъ. Вся же масса живыхъ силъ должна пойти во всѣ безпартійныя массовыя организаціи и, въ первую очередь, въ профессіональные союзы—съ тѣмъ, чтобы тамъ, на почвѣ практической работы, завоевать себѣ прочное мѣсто въ рядахъ идейныхъ выразителей и руководителей рабочей массы.

А. Грачевъ.

Отъ редакціи. Редакція настоятельно приглашаетъ и другихъ товарищей высказаться на страницахъ «Голоса Труда» по вопросамъ тактики современнаго анархическаго движенія въ Россіи.

Коптильники революціи.

Есть люди съ ничтожной, мелкой, трусливой душой,—съ душой жалкой и темной, которая жмется, замираетъ и прячется отъ яркаго свѣта, отъ шири жизни, отъ простора творчества, отъ смѣлаго полета мысли, отъ свободнаго размаха воли и дѣла...

Есть люди съ сердцемъ робкимъ и боязливымъ, съ сердцемъ маленькимъ, безкровнымъ и слабымъ,—съ сердцемъ, которому не дано вмѣстить ни яркаго вдохновенія, ни большой любви, ни могучей ненависти, ни страсти, ни огня...

Есть люди съ умомъ хилымъ, старческимъ и пугливымъ, съ умомъ низкорослымъ и тѣснымъ, которому не дано видѣть вершинъ и далей, которому не суждены ни глубокое пониманіе прошлаго, ни мудрая оцѣнка настоящаго, ни проникновенное предчувствованіе грядущаго...

Есть люди съ совѣстью фальшивой и дряблой, съ совѣстью трусливой и хриплой,—съ совѣстью которая истаскана по торнымъ дорогамъ сдѣлокъ и компромиссовъ, которая цинично и нагло продаетъ себя грязнымъ маклерамъ на рынкѣ человѣческой подлости...

Есть люди... въ которыхъ такъ мало *человѣческаго*, такъ мало *божественнаго*!..

Есть люди—усталые, ослабѣвшіе, изнемогшіе,—люди, павшіе мыслью и духомъ; люди опустившіе свои, когда-то сильныя, крылья; люди, угасившіе ярко горѣвшій нѣкогда огонь свой; люди, ослѣпившіе свое зрѣніе, отрекшіеся отъ былыхъ просторовъ, вершинъ и далей, отъ безстрашныхъ полетовъ, отъ размаха, отъ творчества безъ граней...

———

Они не опасны, они не страшны, они безвредны и безобидны,—всѣ эти люди,—когда мирно и тихо сидятъ они по своимъ гнѣздамъ, угламъ и кельямъ, [illegible], день за днемъ, свое тусклое, сѣренькое существованіе; кропая, изъ часа въ часъ, свои скромныя, маленькія, личныя дѣла и дѣлишки; скрываясь въ тѣнь своего сладенькаго житія отъ свѣта, грохота и шума большой человѣческой жизни, и никогда, никогда не заглядывая за предѣлы «своей» конторы, «своей» столовой, ближайшаго театра и жениной постели...

Они безопасны, эти люди, когда, смутно угадывая свою малость и слабость свою, они живутъ, какъ безкрылыя насѣкомыя, не порываясь летать... Они безвредны, когда не навѣшиваютъ оружія на свои мѣщанскія одежды...

Чадятъ они тогда понемногу своей копотной, душной жизнью и отравляютъ воздухъ на нашей планетѣ. Но свѣтильники міра на то и горятъ, чтобы разбивать, разгонять, разсѣивать эту сѣрую, удушливую мглу безкрылаго прозябанія и освѣщать человѣчеству путь къ снѣжнымъ вершинамъ, къ сіяющимъ далямъ, къ лучезарному солнцу...

———

Увы! Когда, наконецъ-то, вся, тысячелѣтіями накопленная, мгла и муть приходитъ въ движеніе, начинаетъ волноваться, колебаться и разсѣиваться; когда мракъ, копоть и чадъ начинаютъ уступать силѣ побѣждающаго, животворящаго свѣта; когда свѣтильники міра разгораются все ярче и ярче и вотъ-вотъ, кажется, одолѣютъ и разгонятъ тьму,—тогда, именно тогда (о, проклятіе!) вылѣзаютъ изъ норъ своихъ родители тьмы, гасители свѣта и кропатели жизни... Они не желаютъ больше мириться съ своими маленькими дѣлами, съ своей затхлой жизнью съ своимъ безкрыліемъ. Они хотятъ летать, какъ другіе. Они хотятъ свѣтить... Они тоже хотятъ творить и дѣйствовать...

И вотъ, выползаютъ они, эти робкіе, слабые, незрячіе люди, на большую, широкую дорогу жизни, борьбы и творчества. То злобствуя и гнусавя, то пышно и величественно разглагольствуя, то кривляясь и паясничая, шмыгаютъ они межъ другими, и забѣгаютъ впередъ, и шумятъ, и трубятъ въ фальшивыя трубы празднаго ликованія, и потрясаютъ дешевымъ оружіемъ самозванныхъ рыцарей, и спѣшатъ налить хоть плохонькаго маслица въ свои пустые сосуды... И возжигаютъ они свои коптящіе свѣтильники. И свѣтильники ихъ чадятъ, и темнятъ, и отравляютъ воздухъ тусклымъ, безпламеннымъ горѣніемъ своимъ...

Шипятъ, трещатъ, коптятъ и тухнутъ ихъ жалкія плошки. Но они все бѣгутъ; бѣгутъ впередъ, одни за другими; бѣгутъ въ припрыжку; бѣгутъ сотнями, тысячами; бѣгутъ всюду, куда ни глянетъ глазъ... И кричатъ тоненькими, визгливыми и гнусавыми голосами: «И мы, и мы съ вами... Мы тоже боремся... Мы тоже революціонеры... Слышите, мы кричимъ: «Да здравствуетъ революція!»... Мы тоже за революцію... Мы хотимъ революціи... Мы тоже, мы тоже...»

Коптильники революціи! Не лучше ли было бы вамъ молчать, уйдя подальше, зарывшись поглубже отъ налетѣвшей великой грозы, ибо не понять вашимъ маленькимъ, робкимъ душамъ этихъ сверкающихъ молній, этихъ раскатовъ грома?..

Не лучше ли было бы вамъ продолжать и теперь кропать вашу крохотную жизнь и чадить тамъ, внутри вашихъ норъ, ибо пора, пора побѣдному свѣту возсіять надъ міромъ!..

Не лучше ли было бы вамъ зарыться съ головой въ мягкія, уютныя подушки мѣщанскихъ постелей вашихъ и переждать грозу, ибо мѣщане вы и мѣщанами остались, и нѣтъ вамъ мѣста среди творцовъ новой жизни...

Чадомъ своимъ не угашайте свѣта!

———

Слушайте, впрочемъ, вы всѣ, коптильники революціи! Вы, ея мѣщане, старцы, слѣпцы и гасители!..

Вотъ встаютъ народы по всему міру. Встаютъ рабы. Встаютъ легіоны несчастныхъ по всей землѣ, дабы прогнать тьму. И несутъ они свѣтильники полные и яркіе; свѣтильники, исполненные великой жажды, великой правды, великихъ исканій... Свѣтильники, горящіе пламенемъ, возженнымъ отъ самого солнца...

Вамъ не загасить этихъ свѣтильниковъ. Вамъ не удушить этого свѣта...

Нѣтъ! Копоть вашихъ робкихъ, трусливыхъ, маленькихъ душъ не страшна возставшимъ рабамъ, приближающимся къ солнцу и *отъ солнца возжигающимъ свѣтильники свои!..*

В. Э.

По поводу „стокгольмской конференціи“.

Мѣсяца три тому назадъ, мнѣ пришлось читать, въ далекой Америкѣ, рядъ лекцій «о русской революціи». Часть этихъ лекцій посвящена была спеціально вопросу о войнѣ и о перспективахъ грядущаго мира.

По отношенію намѣчавшейся тогда Стокгольмской Конференціи, я опредѣленно и рѣзко выражалъ и подробно развивалъ мысль о безполезности и, потому, ненужности этой конференціи. Я доказывалъ невозможность такимъ путемъ не только прекратить войну, но даже серьезно повліять на ускореніе ея ликвидаціи.

Я подробно развивалъ ту мысль, что разъ дѣло заключенія мира выпадаетъ, въ этой войнѣ, на долю *самихъ народовъ*, самихъ трудящихся массъ, а не правительственныхъ дипломатовъ (какъ бывало въ прежнихъ войнахъ), то и пути къ заключенію мира *должны* быть совершенно иными, чѣмъ прежніе.

Я говорилъ, что трудящіеся классы и *понимаютъ*, и *будутъ заключать* «миръ» иначе, чѣмъ правительства, капиталисты и дипломаты. Я утверждалъ, что путь конференціи изъ представителей партій—шаблонный, старый путь, совершенно не отвѣчающій новому положенію вещей.

Правительства,—говорилъ я,—могутъ заключать миръ такимъ путемъ, ибо ихъ представители понимаютъ «миръ» не какъ прекращеніе безсмысленныхъ ужасовъ войны, а какъ дѣлежъ шкуры убитаго (или не убитаго) медвѣдя. Дипломаты съѣзжаются на конференцію мира тогда, когда правительства,—по тѣмъ или инымъ соображеніямъ,—считаютъ моментъ благопріятнымъ для сведенія своихъ счетовъ. И они вершатъ судьбы войны, ибо въ рукахъ правительствъ находится самый *тормазъ* войны,—тормазъ, однимъ поворотомъ котораго они могутъ остановить ее. У представителей партій—рука не лежитъ на тормазѣ войны. И хотя, въ этой войнѣ, правительства оказываются безсильны привести тормазъ въ дѣйствіе, но руку свою съ этого тормаза они еще не сняли, и вырвать у нихъ этотъ тормазъ въ состояніи только сами массы, своимъ непосредственнымъ, опредѣленнымъ дѣйствіемъ.

Указывалъ я и на то, что созывъ конференціи будетъ крайне затрудненъ какъ событіями, такъ и международной буржуазіей; и на то, что сами соціалисты разныхъ странъ не будутъ идейно понимать другъ друга, не смогутъ сойтись на опредѣленной программѣ мира. И я утверждалъ, что, въ лучшемъ случаѣ, конференція эта (этотъ «конгрессъ», какъ говорили въ Америкѣ) сумѣетъ выпустить еще одинъ, лишній, ничего не говорящій «манифестъ» о мирѣ, для чего совершенно незачѣмъ съѣзжаться на конгрессъ и «городить огородъ»...

Я заключалъ, что «конгрессы мира», изъ представителей соціалистическихъ партій, собирающіеся,—по шаблону правительственныхъ дипломатовъ,—вокругъ зеленаго сукна, останутся все время безплодными попытками; что единственнымъ *дѣйствительнымъ* путемъ къ прекращенію войны является прямое революціонное возстаніе трудящихся массъ противъ буржуазіи и войны, слѣдовательно, въ первую голову,—продолженіе, т. е. дальнѣйшее энергичное развитіе, углубленіе и расширеніе русской революціи.

Помню, какъ яростно возражали мнѣ соціалъ-демократы; какъ упорно отстаивали они цѣлесообразность, необходимость конференціи; какія надежды они возлагали на нее.

Помню, какъ на одной изъ лекцій, наивно вѣрующій с.-д. спросилъ меня, сколько времени прикажу я ждать «этой самой р-р-революціи», на что я, въ свою очередь, попросилъ его отвѣтить мнѣ, сколько времени онъ прикажетъ мнѣ ждать «этого самаго конгр-р-р-есса» и его результатовъ...

По пріѣздѣ въ Россію, я тотчасъ натолкнулся на многочисленныя статьи с.-д.-скихъ газетъ о предстоящей конференціи. Цѣлые столбцы посвящены были вопросу о созывѣ конференціи; вопросамъ о времени, мѣстѣ и предметѣ ея занятій; о пресловутой формулѣ «мира безъ аннексій и контрибуцій, съ самоопредѣленіемъ національностей» и пр. и пр. Отъ конференціи ожидались «великія и богатыя милости». На конференцію возлагались всѣ надежды. Ряды длиннѣйшихъ телеграммъ «отъ собственныхъ корреспондентовъ», относительно конференціи, украшали страницы соціалистическихъ газетъ. На митингахъ, на лекціяхъ кричали и говорили о конференціи... Было столько шума, столько восторга, ожиданій, надеждъ, что порой просто жутко становилось отъ полнаго сознанія всей безнадежности и безплодности этихъ ожиданій, отъ пониманія всей трескучей пустоты, всего безплодія формулы «мира безъ аннексій»...

Проходили недѣли. Проходили мѣсяцы.

Нынѣ—неудача и безполезность стокгольмской конференціи признаются, наконецъ, самими соціалъ-демократами. Статья Стан. Вольскаго въ обзорѣ заграничной жизни («Новая Жизнь», № 113, 27 авг. 1917 г.) чрезвычайно, въ этомъ отношеніи, характерна и поучительна.

Характерна потому, что, наконецъ-то, «заднимъ числомъ» признаетъ, то, что безъ особаго труда (но, прежде всего, безъ наличности ослѣпленія) можно было предвидѣть заранѣе, и чего с.-д. не предвидѣли, исходя изъ совершенно ложныхъ построеній и предпосылокъ.

Поучительна потому, что, подобно вопросу о стокгольмской конференціи, подобно вопросу о пресловутомъ «объединительномъ съѣздѣ» (тоже,—какъ мы заранѣе предсказывали,—окончившемся неудачей), подобно цѣлому ряду другихъ, совершенно невѣрныхъ, безжалостно разбитыхъ жизнью построеній, выводимыхъ с.-д.-тами изъ ошибочныхъ предпосылокъ и теорій,—подобно всему этому, *пути, средства и способы рабочей борьбы, рабочаго движенія и революціоннаго дѣйствія, намѣчаемые соціалистами-государственниками — столь же невѣрны, ибо выводятся на столь же ошибочныхъ предпосылкахъ и приведутъ* (какъ уже приводили не разъ и не въ одной странѣ) *къ столь же печальнымъ неудачамъ и проваламъ*: къ движенію «вспять», какъ озаглавливаетъ свою статью Стан. Вольскій.

В.

ИЗЪ РАБОЧЕЙ ЖИЗНИ.

Нами получена для напечатанія слѣдующая

РЕЗОЛЮЦІЯ.

Второй Невскій (Обуховскій) Районный Делегатскій Совѣтъ Союза Металлистовъ, обсудивъ на собраніи отъ 25 августа вопросъ о борьбѣ съ надвигающейся экономической разрухой, выразившейся въ закрытіи цѣлаго ряда заводовъ въ Петроградскомъ районѣ, постановилъ: присоединиться по данному вопросу къ резолюціи, вынесенной на собраніи отъ 10 августа Колпинскимъ Районнымъ Делегатскимъ Совѣтомъ Союза, а именно:

Поручить своимъ делегатамъ на собраніи Обще-делегатскаго Совѣта Союза Металлистовъ поднять этотъ вопросъ и рекомендовать О.-Д. С. С. М. принять рѣшительныя мѣры въ борьбѣ съ надвигающимися бѣдствіями.

Какъ единственно радикальную мѣру борьбы, мы рекомендуемъ союзу металлистовъ перенять всѣ фабрики и заводы въ свои руки, для чего уже сейчасъ надо подготовлять объединеніе Союза Металлистовъ съ Союзомъ Горныхъ рабочихъ, Союзомъ жел.-дор. рабочихъ и служащихъ, съ Союзомъ водныхъ транспортныхъ рабочихъ, крестьянскимъ союзомъ и т. д.

Войти въ тѣсное общеніе съ Ц. К. фабрично-заводскихъ комитетовъ; согласовать дѣятельность обѣихъ организацій такимъ образомъ, чтобы, къ моменту перехода заводовъ въ руки рабочихъ, ячейки на мѣстахъ были готовы не только взять, но и продолжать веденіе дѣлъ заводовъ.

Работу эту поручаемъ О.-Д. С. С. М. вести гласно, дабы всѣ союзы, которые, по тѣмъ или инымъ причинамъ, пока еще мало дѣятельны, немедленно же приступили къ работѣ въ этомъ направленіи.

СКОРѢЕ!

Редакція «Голоса Труда» считаетъ необходимымъ присоединить и свой голосъ къ тѣмъ органамъ печати и организаціямъ, которые требуютъ скорѣйшаго освобожденія и полной амнистіи всѣмъ революціонерамъ, пострадавшимъ въ дни 3—5 іюля.

Мы находимъ, что такая мѣра была бы актомъ простой справедливости со стороны людей, усмотрѣвшихъ «измѣну», «предательство» и «контръ-революцію» тамъ, гдѣ ихъ не было, но прозѣвавшихъ ту подлинную контръ-революцію, которая назрѣвала на глазахъ у всѣхъ и едва не повлекла за собою дѣйствительно тяжкихъ послѣдствій.

Скорѣе амнистію!..

ОТКЛИКЪ.

Въ отвѣтъ на весьма теплыя пожеланія, какими встрѣчено было появленіе «Голоса Труда» со стороны «Трудовой Республики» (изданіе Петроградской и Кронштадтской организаціи Соц.-Рев. *максималистовъ*), считаемъ долгомъ послать максималистскому органу нашъ привѣтъ.

Редакторъ: В. М. ЭЙХЕНБАУМЪ (ВОЛИНЪ).
Издатель: Союзъ анархо-синдикалистской пропаганды.

Росписаніе

очередныхъ лекцій тов. ВОЛИНА на недѣлю

Пятница, 1-го сент.—**Колпино**: 8-ая лекція, на тему „Идея соціализма“, въ помѣщеніи театра (въ саду). Начало, какъ обычно, въ 6 час. веч. Входъ безплатный.

Воскресенье, 3-го сент.—**Бол. Сампсоніевскій просп., № 61** („Зимній Садъ“). 4-ая лекція (окончаніе, на тему „Разныя ученія о соціализмѣ“). Входъ 35 коп. (въ пользу анархич. печати)

Понедѣльникъ, 4-го сент.—**Обухово**: 4-ая лекція (окончаніе, на тему „Разныя ученія о соціализмѣ“). Въ саду Обуховскаго завода, въ 6 час. веч. Входъ безплатный.

Вторникъ, 5-го сент.—**Сестрорѣцкъ**: 1-ая лекція.

Среда, 6-го сент.—**Кронштадтъ**: 4-ая лекція (окончаніе „Разныя ученія о соціализмѣ“). Морской манежъ. Входъ безплатный

Четвергъ, 7-го сент.—лекція въ помѣщеніи Коммерческаго училища (Чернышевъ пер., 9) на тему: **„Современныя теченія въ анархизмѣ“**. (Устраивается Ярославскимъ землячествомъ). Начало въ 8 час. веч.

Отъ Кронштадтской организаціи.

Кронштадтская организація анархо-синдикалистовъ-коммунистовъ извѣщаетъ, что, по организаціонно-техническимъ причинамъ, она покинула прежнее помѣщеніе клуба и переѣзжаетъ въ новое, болѣе удобное.

Временный адресъ организаціи, впредь до новаго извѣщенія: 1-й офицерскій флигель, кв. 5.

Кронштадтская организація анархо-синдикалистовъ-коммунистовъ.

Товарищей, получившихъ для перевозки литературу въ Нью-Іоркѣ, просятъ возвратить таковую по адресу конторы «Голоса Труда».

Просимъ товарищей приходить за газетой, для распространенія, начиная съ пятницы вечера, отъ 6 до 8 час.

Газетчики могутъ получать газету въ пятницу вечеромъ, въ тѣ же часы, въ субботу, съ 3-хъ час. дня, и въ понедѣльникъ утромъ, отъ 7 часовъ.

Издательство „ГОЛОСЪ ТРУДА“.

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ изъ печати слѣд. изданія „Петроградскаго Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды“:

Новый Интернаціоналъ, П. А. Кропоткина.
Умирающее общество и Анархія, Жана Грава.
Анархо-Синдикализмъ, М. Раевскаго.
Азбука Синдикализма, Ж. Иэто.
Необходимость революціи, П. А. Кропоткина.
Довольство для всѣхъ, П. А. Кропоткина.
Наши богатства, П. А. Кропоткина.
Порядокъ, П. А. Кропоткина.
Политическія права, П. А. Кропоткина.
Всеобщая стачка и соціальная революція, А. Роллера.
Чикагская драма (Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Америкѣ).
Какъ мужикъ у всѣхъ въ долгу остался (сказка).
Какъ попы поработили народъ ученіемъ Христа.
Голодъ, Невѣжество и Страхъ (листовка).
„Пѣсни Труда“ (Сборникъ революціонныхъ пѣсенъ и стихотвореній).

Съ заказами обращаться въ контору „ГОЛОСА ТРУДА“ Петроградъ, Птг. ст., Полозова ул., д. 26, кв. 3.

Печатано въ Типографіи Аренд. Акц. О-ва „Домъ Печати“ В. О., 16 линія, 5—7.